

Замѣтки по сравнительному изученію народно-эпическаго стиля.

О повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ.

I. Два типа «повтореній» въ старофранцузскихъ chansons de geste.

Вопросъ о повтореніяхъ въ народномъ эпосѣ разбирался спеціально только по отношенію къ старофранцузскимъ chansons de geste ¹⁾, но тутъ онъ разросся въ почтенную литературу, которая ²⁾ противорѣчащими другъ другу взглядами, высказанными въ ней, доказываетъ, насколько онъ долженъ быть принятъ во вниманіе и въ расчетъ при всякомъ изслѣдованіи объ эпосѣ, и что эта пѣсенная особенность коренится отнюдь не въ кремнеземѣ позднѣйшихъ наслоеній, но въ самихъ нѣдрахъ народнаго творчества. Вѣдь не даромъ Монень (Monin) и его послѣдователи на основаніи повтореній думали примѣнить въ chanson de Roland теорію пѣсенъ, построенную Вольфомъ по отношенію къ Илиадѣ и Одиссеѣ, не даромъ и Фориэль, Штейнталь и Пол. Парисъ усматривали въ нихъ самостоятельные пересказы одного и того же событія. Но эти мнѣнія отступили на задній планъ, вытѣсненные признаніемъ этихъ повтореній за особый эпическій приѣмъ, признаніемъ, къ которому примкнули всѣ теперь занимающіеся этимъ предметомъ ученые, и которое Гастонъ Парисъ выразилъ словами: *il (le poëte) tourne et retourne son idée et, pour arriver à la rendre complètement, l'exprime de plusieurs manières* ³⁾. Въ томъ же духѣ высказался и проф. А. Н. Веселовскій: «Нѣкоторыя сцены, образы до такой степени возбуждаютъ поэтическое вниманіе, такъ захватываютъ духъ, что отъ нихъ не оторвать глаза и памяти, какъ бы не было впечатлѣніе бо-

¹⁾ Отдѣльные указанія можно найти въ книжкѣ Heipzigel'a: Ueber den Stil der altgermanischen Poesie (Quell. & Forsch. X т.) 1875 г., гдѣ повторенія рассматриваются подъ заглавіемъ Variation der Aussage, и у Noreen'a въ его Spridda Studier 1895 (глава: Om tautologi, стр. 52 слѣд.).

²⁾ Изложена въ диссертациі Dietrich'a: Über die Wiederholungen in den altfranzösischen chansons de geste, 1881 г.

³⁾ Histoire poétique de Charlemagne, стр. 24.

лѣзненно, томительно, и можетъ быть потому именно, что оно томительно, что оно щемитъ душу, имъ не насытитесь за разъ. Веселые моменты жизни переживаются быстрѣе. Встрѣтивъ образъ изнеможеннаго Роланда, трубящаго надрываясь на вѣсть своимъ ¹⁾, современный поэтъ схватилъ бы его быть можетъ цѣлымъ, исчерпалъ бы въ одинъ присѣвъ присущее ему либо связанное съ нимъ поэтическое содержаніе. Народная поэзія и поэзія, стоящая подъ ея вліяніемъ, ближе воспроизводитъ дѣйствительный процессъ психическаго акта. Въ каждомъ комплексѣ воспоминаній, преимущественно патетическихъ, есть одно, почему бы то ни было становящееся поверхъ другихъ, какъ бы ихъ покрывающее, дающее тонъ всему. Воспоминанія тянутся вереницей, возбуждая различныя ассоціаціи, разбѣгаясь за ними въ сторону и снова возвращаются къ основной нотѣ и образу: обезсиленный Роландъ еще трубить» ²⁾.

Проверимъ это опредѣленіе на примѣрахъ изъ той же пѣсни о Роландѣ ³⁾.

«Роландъ объять смертнымъ холодомъ и голова его склонилась на грудь. Онъ спѣшитъ къ соснѣ и ложится ницъ въ тѣни подъ нею на травѣ зеленой; рядомъ кладетъ онъ свой мечъ и рогъ. Лицо онъ обращаетъ къ врагамъ для того, чтобы Карлъ и весь народъ сказалъ: «Вотъ храбрый воинъ! онъ погибъ сражаясь!»—Онъ кается въ грѣхахъ, молясь усердно и простираетъ руку къ небу».

Повтореніе въ двухъ стихахъ резюмируетъ то, что, главнымъ образомъ, въ девяти стихахъ, повѣствуется въ первомъ разсказѣ,—но зато развиваетъ и дополняетъ то, что вкратцѣ указано въ послѣднихъ двухъ стихахъ перваго отрывка: «Роландъ чувствуетъ, что смерть его близка, и лежа на холмѣ, который глядитъ въ Испанію, ударяетъ себя рукою въ грудь: «Боже! прости ради Твоей славы мои грѣхи и прегрѣшенья, которыя я свершилъ со дня рожденія доднесь, когда моя кончина близка». — Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и ангелы съ неба спускаются къ нему». — Слѣдуетъ еще повтореніе, но уже въ приведенныхъ отрывкахъ содержится все, намѣчены всѣ черты, хотя не вполне разъяснены.—«Графъ Роландъ лежитъ, простершись подъ сосной; свое лицо онъ обратилъ къ Испаніи. Онъ вспоминаетъ о многихъ вещахъ: о всѣхъ земляхъ, которыя онъ завоевалъ, о милой Франціи, о своихъ родныхъ и о Карлѣ, своемъ владыкѣ, который воспиталъ его. Онъ не удерживается отъ слезъ и вздоховъ, но не забываетъ при этомъ и своей

¹⁾ Соответствующее описаніе изъ пѣсни о Роландѣ приводится ниже.

²⁾ Новые изслѣдованія о французскомъ эпосѣ (Журн. Мин. Нар. Просв., ССХХХVIII, стр. 249.

³⁾ По изданію Готье, стихъ 2355 слѣд.

участи и, каюсь, молится Богу: «Всеправедный Отец! Ты никогда не измѣняешь Себѣ, святаго Лазаря Ты воскресилъ отъ смерти и Данила защитилъ отъ львовъ, избавь мою душу отъ всѣхъ мукъ и спаси отъ грѣховъ, которые я совершилъ въ своей жизни». Онъ простираетъ правую руку къ Богу, и св. Гавріиль принимаетъ ее. Голова его склонилась на руку. Сложивши на крестъ руки, онъ скончался. Богъ послалъ къ нему ангеловъ-херувимовъ св. Рафаила, св. Михаила, и вмѣстѣ съ ними спустился и св. Гавріиль. Они приняли въ рай душу Роланда».—Примѣръ этотъ прекрасно оправдываетъ опредѣленія Париса; но я выбираю другой ¹⁾).

«Роландъ поднялъ свой рогъ къ устамъ, прижалъ къ губамъ идохнулъ всею грудью. Раздался звукъ въ высокихъ горахъ, и откликъ пронесся въ даль на 30 миль. Карлъ и все войско услышало его, и король сказалъ: «Наши вступили въ бой». Но Ганелонъ ему отвѣтилъ: «Когда-бы не ты, а кто другой сказалъ это, то съ нимъ-бы поступили, какъ подобаетъ со лжецомъ».—Графъ Роландъ съ усиленіемъ и въ изнеможеніи, такъ жалобно трубилъ въ свой рогъ. Алая кровь струится изъ гортани и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Но изъ рога звонко летитъ зовъ. Карлъ слышитъ его, пробираясь черезъ ущелья, герцогъ Неймскій слышитъ, и всѣ Франгузы внемлютъ. И король говоритъ: «Чу! рогъ Роланда! Никогда-бы онъ не затрубилъ, если-бы не было битвы». Ганелонъ отвѣчаетъ: «Никакой нѣтъ битвы. Вы стары больно, весь посѣдѣли и болтаете безсмыслицу, какъ ребенокъ. Роландъ достаточно извѣстенъ своимъ чрезмѣрнымъ духомъ, и диво, что Господь все терпитъ его... Изъ-за зайца онъ будетъ Вамъ трубить, хоть цѣлый день. Навѣрно онъ тѣшится со своими воинами. На свѣтѣ и нѣтъ человѣка, который бы отважился вступить съ нимъ въ бой. Такъ двинемся! Что-же мы остановились? Великая страна еще далеко впереди».—Согласно съ опредѣленіемъ Париса и съ аналогіей съ первымъ примѣромъ мы ожидаемъ повторительный рассказъ съ прибавленіемъ новыхъ чертъ, новыхъ подробностей.—«У Роланда губы въ крови, и на головѣ виски прорвались отъ напряженія. Рогъ звучитъ жалобно и слабо. Карлъ слышитъ его и всѣ Франгузы внемлютъ, и король говоритъ: «У рога долгій вздохъ!» Герцогъ Неймскій отвѣтилъ: «Роландъ находится въ опасности; тамъ завязался бой, клянусь моею совѣстью. Кто-нибудь предалъ его, а именно тотъ, который Васъ уговаривалъ. Къ оружію! пусть раздаются крики и спѣшите на помощь Вашему родственнику. Уже вдоволь Вы наслушаетесь жалобы Роланда». Императоръ велѣлъ трубить въ рога и Франгузы спускаются...»

¹⁾ Стихъ 1753 слѣд.

Карль слышитъ звукъ рога, но его опасенія опровергаетъ Ганелонъ въ первыхъ двухъ повтореніяхъ; въ третьемъ вопреки всеѣмъ ожиданіямъ выступаетъ герцогъ Неймскій, и его слова придаютъ разсказу другой исходъ. Насъ поражаетъ то, что третье повтореніе занимаетъ не только самостоятельное, но даже противоположное мѣсто по отношенію къ двумъ предъидущимъ. Посредствомъ ихъ пѣвецъ хочетъ внушить слушателю: не ждите помощи для Роланда отъ Карля; съ нимъ вѣдь измѣнникъ Ганелонъ, который постарается отвлечь вниманіе и подозрѣніе императора. Длинная рѣчь Ганелона вполне убѣждаетъ слушателя; но слѣдуетъ еще повтореніе, и дѣйствіе принимаетъ другой оборотъ.

Я приведу еще примѣръ ¹⁾: Роландъ, видя, что войны его погибаютъ, хочетъ трубить въ свой рогъ, чтобы Карль его услышалъ и воротился, но Оливье удерживаетъ его словами, что это было-бы большимъ позоромъ, что его родителямъ пришлось-бы за это краснѣть, и что онъ-бы обезчестилъ ихъ на всю жизнь и пр. Когда Роландъ вторично заявляетъ о своемъ намѣреніи трубить въ рогъ, Оливье ему возражаетъ, что теперь это было-бы трусостью: «когда я Вамъ совѣтывалъ это сдѣлать, другъ, то Вы не сообразовали; если-бы императоръ былъ здѣсь, мы бы не подверглись такой потерѣ». И въ третій разъ еще Оливье развиваетъ эту мысль: «мы могли-бы выиграть эту битву, взять въ плѣнъ и убить короля Марсиля, но Ваша отвага погубила столько французовъ и насъ самихъ и обезславилла Францію».—Тогда подѣлываетъ архіепископъ и начинаетъ ихъ уговаривать, чтобы они перестали спорить, и чтобы Роландъ затрубилъ въ рогъ; «быть можетъ, Карль его всетаки услышитъ; онъ отмститъ за нихъ, и язычники по крайней мѣрѣ не уйдутъ, ликуя; французы найдутъ наши трупы, поплачутъ надъ ними и заруютъ ихъ въ священную землю и не разорвутъ ихъ собаки, кабаны и волки».—Съ приведеннымъ повтореніемъ весьма сходно и то мѣсто, гдѣ Оливье въ началѣ битвы совѣтуетъ Роланду трубить, а послѣдній самонадѣянно отказывается (стихъ 1053 слѣд.), но оно менѣе характерно потому, что споръ ихъ ни къ чему не ведетъ. Однако и здѣсь троекратная просьба Оливье и непоколебимый отвѣтъ Роланда «производитъ болѣе сильное и болѣе величественное впечатлѣніе, чѣмъ сдѣлало-бы простое предложеніе» ²⁾.—Въ послѣднихъ примѣрахъ каждое повтореніе имѣло свой собственный *raison d'être*. Онѣ не составляли одно цѣлое описаніе, въ которомъ первые пересказы подготавливали-бы послѣдующіе. Часто третье повтореніе противопоставлялось двумъ

¹⁾ Стихъ 1702 слѣд.

²⁾ Nyгор. Den oldfranske Heltedistuning, стр. 27.

первымъ, какъ содержащее нѣчто совсѣмъ новое, неожиданно подвинувшее дѣйствіе впередъ. Слѣдовательно, объясненіе Париса не пригодно ко всѣмъ повтореніямъ, а изъ приведенныхъ только къ первому, къ описанію смерти Роланда.

Но я перехожу къ болѣе грубому, зато и болѣе наглядному примѣру изъ *Repent de Montauban* ⁴⁾: Карлъ хочетъ повѣсить плѣннаго Ричарда и за исполненіемъ этого приговора обращается къ рыцарю *Beranger de Wales*, взывая къ его чувству долга какъ вассала, надѣленнаго многими ленными владѣніями. Но *Beranger* наотрѣвъ отказываетъ императору въ этой просьбѣ, говоря: «Да будетъ проклятъ тотъ, кто поворнымъ образомъ вздумаетъ удерживать свои имѣнія». — Тогда Карлъ поочередно проситъ *Ydelon'a*, *Ogier'a*, *Turpin'a* и еще пять другихъ рыцарей съ немногими измѣненіями въ рѣчи; каждый разъ онъ получаетъ тотъ-же отвѣтъ, и каждый разъ Карлъ восклицаетъ: «Негодяй! Богъ тебя накажетъ! Но Ричардъ будетъ повѣшенъ, клянусь моею бородою!» — пока, наконецъ, одинъ не принимаетъ на себя это гнусное порученіе.—Одинаково въ *chanson de Roland*, когда нужно отправить посла къ королю Марсилю, сперва предлагаетъ себя герцогъ Неймскій, потомъ Роландъ и Турпинъ, но напрасно; порученіе возлагается на Ганелона (стихъ 244 слѣд.).

Пѣвецъ безъ равныхъ колебаній выразилъ то, что хотѣлъ. Въ первомъ случаѣ пѣвецъ хотѣлъ описать смерть Роланда, но влѣдствіе своего «*tourne et retourne*» получились три повторенія; во второмъ, пѣвецъ хотѣлъ сказать, что Карлъ напрасно обращался къ *Beranger'у*, *Ydelon'у*, *Ogier'у*, *Turpin'у* и пяти другимъ рыцарямъ, повѣствованіе о чемъ и ведется безъ остановокъ, безъ повтореній. Въ одномъ случаѣ повторяется описаніе, въ другомъ само дѣйствіе. Правда, то и другое въ концѣ концовъ зависитъ отъ воли пѣвца, но первое касается изложенія, второе—дѣйствія. Понятно, что Роландъ и въ дѣйствительности могъ трубить три раза, и, вѣроятно, сдѣлалъ-бы это, понятно также, что Карлъ послѣ отказа, полученнаго отъ перваго рыцаря, обращается къ другому и т. д., но немисливо, чтобы Роландъ умиралъ трижды. Значитъ, мы имѣемъ повторенія двойкаго рода, которыя слѣдуетъ отличать другъ отъ друга: геминацію дѣйствія и параллелизмъ выраженія.

Геминація дѣйствія искони свойственна народному творчеству и особенно часто примѣняется къ сказкѣ ⁵⁾.—Ганелонъ передаетъ королю Марсилю по-

⁴⁾ По *Tobler'y*. *Über das volkstümliche Epos der Franzosen* (*Zeitschr. für Völkerpsych. & Sprachwiss.* т. IV).

⁵⁾ Ср. проф. З ѣ л и н с к і й: *Die Märchenkomödie in Athen*.

сланіе Барла, которое вызываетъ всеобщее негодованіе; когда всё успокоиваются, Ганелонъ повторяетъ свое посланіе (ст. 425 слѣд.). Что-же другое, какъ не послѣдовательная геминація, — разговоръ Марселя и Ганелона, начинающій съ 520 стиха. Весьма интересно, какъ Кечаріенъ приноситъ Валигану вѣсть о Ронсевальскомъ побоищѣ: въ первомъ сообщеніи онъ главнымъ образомъ останавливается на гибели французовъ, во второмъ выдвигаетъ опасное положеніе сарациновъ (ст. 2765 слѣд.). Но подобныя геминаціи еще не были бы повтореніями въ обычномъ смыслѣ, если-бы къ нимъ не присоединялась другая особенность народно-эпического стиля: однообразіе оборотовъ и употребленіе синонимъ и рядомъ однихъ и тѣхъ-же излюбленныхъ стиховъ. Если современный поэтъ будетъ описывать равныя ситуаціи, то онъ постарается каждой придать особую окраску. Сравните также описаніе въ *chanson de Roland* (ст. 860 слѣд.), какъ сарацинскіе герои собираются около племянника Марселя, чтобы сообща напасть на Роланда: братъ Марселя *Faussegon*, злонаправный *Cogsablin*, славный и отважный *de Balaquet*, преслѣдователь христіанъ *Turgis*, кавалер-волокига *Margaris*, длинновудрый *Chegnuble* изъ бесплодной земли демоновъ и др. — Но обыкновенно народъ не стремится разнообразить отдѣльныя части геминаціи; каждый разъ приводятся одни и тѣ-же стихи, иногда кое-что прибавляется и измѣняется, но въ общемъ получается впечатлѣніе обычнаго повторенія. На самомъ-же дѣлѣ слито два рода повторенія, во первыхъ, повтореніе самаго дѣйствія, во вторыхъ, каждый разъ повторяется описаніе этого дѣйствія. Понятно, и я указалъ на это, геминація возможна и безъ втораго повторенія; но народное творчество рѣдко заботится о томъ, чтобы разнообразить описанія. Если-же повторяется описаніе такого дѣйствія, которое въ дѣйствительности не могло повториться, какъ напр. смерть Роланда, то вмѣсто геминаціи дѣйствія получается параллелизмъ выраженія.

Разбирая библію съ эстетической точки зрѣнія, Гердеръ ¹⁾ впервые отстаивалъ значеніе параллелизма, говоря, напр., что въ притчахъ Соломона какъ-будто отецъ наставляетъ своего сына и мать повторяетъ его совѣтъ, или указывая на то, что противоположности неба и земли дали поводъ къ сопоставленію безконечнаго съ ничтожнымъ, прекраснаго съ подлымъ; тамъ блещутъ вѣчныя звѣзды, тамъ растянута чистая синева; на землѣ-же вездѣ перемѣна, прахъ и разложеніе. — Слѣдъ подобнаго сопоставленія можно усмотрѣть пожалуй и въ слѣдующей строфѣ изъ пѣсни о Роландѣ (ст. 1830 слѣд.): «Высоки горы и мрачны и велики, доли глубоки и быстры потоки!

¹⁾ *Vom Geist der ebräischen Poesie*, 1782 г.

Спереди, сзади раздаются трубы, отвѣчая рогу Роланда. Императоръ развѣзжаетъ разгнѣванный, а французы въ смятеніи и въ горести»...

Чѣмъ воспримчивѣе художественное чутье народа, тѣмъ тщательнѣе сглаживается характеристическая особенность каждаго приѣма, потому что намѣренный эффектъ оскорбляетъ эстетическое чувство, и приходится скрывать его. Такъ какъ и параллелизмъ и геминація — повторенія, хотя различнаго рода, то при подобномъ сглаживаніи особыхъ примѣтъ, они должны были сближаться. Параллелизмъ становится драматичнѣе, будетъ избѣгать прямого повторенія сказаннаго и излагать подробности описываемаго факта въ извѣстномъ порядкѣ. Въ художественной геминаціи возможная единичность дѣйствія не явствуется непосредственно. Французскій эпосъ достигъ высокой степени развитія, и что-же?—Въ немъ различіе между обоими родами повтореній не было замѣчено большимъ числомъ ученыхъ, обращавшихъ свое вниманіе какъ разъ на этотъ вопросъ.

II. Геминація дѣйствія и параллелизмъ выраженій въ финскомъ эпосѣ.

Я желалъ-бы иллюстрировать оба рода повтореній на финскомъ эпосѣ, гдѣ онѣ получили крайне одностороннее и необычайно широкое примѣненіе. Можно сказать, что финскій народъ не производилъ отдѣльныхъ стиховъ, а все попарно, или другими словами, что мы имѣемъ собственно двѣ скрепявающіяся версіи Калевалы. Это объясняется тѣмъ, что пѣлъ не одинъ пѣвецъ, а двое, причемъ одинъ говорилъ первый стихъ, а другой, парафразируя эту-же мысль, возражалъ ему вторымъ. Вотъ что Ленруту рассказывалъ 80-лѣтній Архиппа, знаменитѣйшій пѣвецъ рунъ въ Вуокиніеми: «Когда мы въ рыболовное время отдыхали на берегу Лапуки у костра, вотъ бы Вамъ слѣдовало быть тамъ! У насъ былъ наемникъ изъ Лапуки, также хорошій пѣвецъ, но всетаки не ровня моему отцу. Всю ночь на пролетъ они пѣли у огня, рука объ руку, и никогда не повторялась одна и та-же руна. Я тогда былъ мальчикомъ и слушалъ...».—Въ началѣ Калевалы Ленрутъ помѣстилъ приглашеніе одного пѣвца къ другому подѣлать и начать съ нимъ руну:

Золотой мой другъ и братецъ,
Дорогой товарищъ дѣтства!
Мы споемъ съ тобою вмѣстѣ,
Мы съ тобой промолвимъ слово.

Наконецъ мы увидались,
Съ двухъ сторонъ теперь сошлись,
Рѣдко мы бываемъ вмѣстѣ,
Рѣдко ходимъ мы другъ къ другу.

На пространствѣ этомъ бѣдномъ,   Пальцы наши вмѣстѣ сложимъ,
Въ краѣ Сѣвера убогомъ.   Пѣсни славныя споемъ мы
Такъ давай свои мѣтѣ руки,   И начнемъ мы съ лучшихъ пѣсенъ ¹⁾.

Этотъ способъ пѣнія былъ, кажется, болѣе древнимъ. за что стоятъ и приведенные отрывки. Подъ вліяніемъ такого обычая параллелизмъ стиховъ развился въ норму, въ которой приурочилась и народная лирика финновъ.

Если выдѣлить изъ Калевалы Айно, Куллерьо, Маріатту, космогонію и другіе самостоятельные эпизоды, а равно и заговоры, причитанья и пѣсни, то остаются три главныхъ героя, Вейнемейненъ, Ильмариненъ и Лемминнейненъ, которые каждый въ свою очередь три раза совершаютъ знаменитую поѣздку на сѣверъ (Pohjola).—Вейнемейненъ сватается за чудную дочь сѣвера. Она трижды задаетъ ему испытанія. Когда онъ, исполняя третье условіе, рубитъ ладью, то топоръ вслѣдствіе неловкаго удара ранитъ его въ ногу. Вейнемейненъ за помощью ѣдетъ къ первому двору, но тамъ застаетъ только мальчика; во второмъ онъ находитъ старуху, которая себѣ самой не можетъ помочь; въ третьемъ домѣ онъ выльчивается старикомъ и затѣмъ уѣзжаетъ (VIII, IX пѣсни).—Ильмариненъ пріѣзжаетъ на сѣверъ съ той-же цѣлью какъ и его братъ. И на него возлагаютъ три задачи. Празднуется свадьба, но нѣтъ пѣвца. Сперва было приглашаютъ рыбъ пѣть, но онѣ оказываются неспособными, также и дитя, въ третьихъ Вейнемейнена, который тотчасъ соглашается и обращается къ присутствующимъ со словами:

Есть-ли кто изъ молодежи,
Въ высоко-честномъ народѣ,
Кто-бъ сложилъ съ рукою руку,
Положилъ бы ихъ другъ къ дружкѣ
И потомъ бы началъ пѣнье,
Пѣнье радостное поднялъ?.. ²⁾

Затѣмъ молодые уѣзжаютъ (XIX—XXV пѣсни).—Лемминнейненъ раньше тоже добывался сѣверной красавицы, имя которой страннымъ образомъ нигдѣ не упоминается. При третьемъ подвигѣ онъ погибаетъ отъ коварства владыки сѣвера. Но его мать вновь оживляетъ его. Чувствуя себя обиженнымъ, что его не пригласили на свадьбу Ильмаринена, онъ опять отправляется на сѣ-

¹⁾ Переводъ А. П. Бѣльскаго.

²⁾ У Бѣльскаго, стр. 258.

верь и убиваетъ тамъ владыку. Видя, что на него идутъ войною, онъ бѣжитъ. Спустя нѣсколько времени онъ въ третій разъ для отмщенія проникаетъ на сѣверъ (XI—XV, XXVI—XXX пѣсни). — Но и Ильмариненъ послѣ смерти своей первой жены вторично ѣдетъ на сѣверъ, чтобы свататься къ другой сестрѣ; его встрѣчаютъ съ насмѣшкой и съ презрѣнiемъ; тогда онъ насильно увозитъ дѣвицу. Желанiе возвратить себѣ Сампо, которое онъ ковалъ во время своего перваго посѣщенiя, ведетъ къ третьей поѣздкѣ. Владычица сѣвера, желая отплатить имъ чѣмъ-нибудь, сперва наводитъ на нихъ болѣзни, затѣмъ медвѣдя, и, въ третьихъ, запрятываетъ луну и солнце. Но Вейнемейненъ своимъ кантелю спасаетъ отъ всѣхъ бѣдствiй. И послѣднiй трижды совершаетъ поѣздку на сѣверъ, сперва одинъ, а потомъ два раза въ сопровожденiи Ильмаринена (XXXV—III—II пѣсни).

Девять разъ повторяющаяся поѣздка на сѣверъ—вотъ та канва, по которой вышиты узоры Калевалы. вмѣстѣ съ тѣмъ эти поѣздки соединили отдѣльныхъ героевъ, заставляя ихъ добиваться сѣверной красавицы. Развитие финскаго эпоса представляетъ изъ себя крайне любопытное явленiе. Въ то время, какъ съ одной стороны все повторяется одинъ и тотъ-же мотивъ, мы съ другой замѣчаемъ попытку итти въ глубь, разработку темъ въ смыслѣ психологическаго анализа, какъ Куллерьо, или изобрѣтенiе незначительныхъ по содержанiю и вполне случайныхъ эпизодовъ. Правда, эпосъ Калевала въ такомъ составѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, скомпилированъ Ленрутомъ, но несомнѣнно, что всѣ эти пѣсни составляютъ нѣчто цѣлое, какъ выраженiе одной и той-же творческой фантазiи, какъ поэтическое достоинство одного и того-же народа. Пусть Вейнемейненъ является древнѣйшимъ героемъ эпоса, а Лемминкейненъ—позднѣйшимъ, тѣмъ лучше, если мы можемъ опредѣлить отдѣльные фазисы его возникновенiя, если мы можемъ стать на твердую почву историческаго изслѣдованiя и отрѣшиться отъ шаткихъ психологическихъ догадокъ.

Мы видѣли, что почти все содержанiе финскаго эпоса построено на тригеминациѣ, видѣли также, что параллелизмъ стиховъ сдѣлался правиломъ. Но одно не зависитъ отъ другаго; каждая стилистическая особенность имѣетъ свои причины и свое развитiе.

III. Общiя мѣста и «повторенiя» въ русскихъ былинахъ.

Теперь мы приступимъ къ разбору повторенiй въ русскихъ былинахъ.

Прежде всего мы выдѣлимъ такъ называемыя общiя мѣста, повторяю-

щіяся на каждомъ шагѣ, примѣняемыя при каждомъ событіи, каждомъ богатырѣ. Былина начинается:

Выводилъ Илья Муромецъ добра коня	На копье мурзалецкое...
Изъ завозеньки изъ новыя,	И вставалъ въ стремянышко гольяшное
Накладывалъ онъ потнички бумажныя,	И садился въ сѣдельнышко черкасское.
На потнички сѣдельнышко черкасское;	Не ясенъ соколъ въ перелетѣ леталъ,
Клалъ обѣтъ на палицу боевую	Не бѣлый вретъ перепархивалъ,
И на саблю острую,	Тутъ ѣхалъ удалой добрый молодець.

Стѣять въ первомъ стихѣ вмѣсто Илья Муромецъ сказать Алешенька или Дюкъ Степановичъ или Добрынюшка, и получается другая былина.— Если дѣйствіе происходитъ въ княжескихъ палатахъ, то вступленіе непременно будетъ таковаго рода:

Во славномъ во городѣ во Кіевѣ	Умный то хвастаетъ добрымъ конемъ,
У ласковаго князя у Владимира	А разумный то хвастаетъ отцемъ-матерью,
Было пированьице сопочестенъ пиръ	
На всѣхъ князей на всѣхъ бояровъ	А безумный то похваляется молодой
На всѣхъ могучиихъ богатырей.	женой да неудачливой.
И всѣ на пиру порасхвастались,	

Входитъ гость:

Брестъ владеть онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому.

Ему предлагаютъ выпить:

Подымаетъ онъ чару единой рукой,
Выпиваетъ онъ на единый здохъ.

Такихъ излюбленныхъ общихъ мѣстъ можно было-бы выписать очень много. Онѣ почему-то понравились, считались такими удачными, что иначе и нельзя было выразиться. Онѣ представляютъ большое удобство для пѣвца. Сочиняетъ-ли онъ новую былинку, такіе запѣвы очень кстати, воспроизводитъ-ли онъ старую, то прибѣгаетъ къ нимъ, особенно, если память ему измѣняется. Притомъ они были общимъ достояніемъ; никто не могъ обвинять пѣвца въ заимствованіи. Но слушатели и не требовали самостоятельности отъ сказителя, не воздавали ему особой хвалы, если онъ импровизировалъ что-

нибудь до сихъ поръ не слыханное, не могли выразить свое недовольство, если онъ сочинить, да неладно и нескладно. Не было, слѣдовательно, никакого поощренія быть оригинальнымъ. Всякая народная поэзія поэтому болѣе или менѣе однообразна. Новыя черты, новыя сказанія навязываются лишь внѣшней судьбой народа. Но и тогда наблюдается стремленіе народнаго творчества подводить новыя понятія и событія подъ извѣстные ему типы. Почестенъ пиръ устраивается уже не въ Кіевѣ, а въ Москвѣ бѣлокаменной; Илья Муромецъ замѣщается Ермакомъ Тимофеевичемъ. Народная поэзія нарастаетъ, но не вырастаетъ; ея развитіе происходитъ не органически, но кристаллически.—Общезвѣстны ѣпеα κτερόεντα Гомера:

Ἦμος δ' ἠριγένεια φάνη ροδοδάκτυλος Ἥως
ῶροντ' ἄρ' ἐξ εὐνῆφιν и т. д.

Или: οἱ δ' εἰς ὄρχηστὸν τε καὶ ἱμερόεσσα ἀοιδὴν
τρεψάμενοι τέρποντο, μένον δ' ἐπὶ ἔσπερον ἐλθεῖν.
τοῖσι δὲ τερπομένοισι μέλας ἐπὶ ἔσπερος ἦλθεν
δὴ τότε κακχείοντες ἔβαν οἰκόνδε ἕκαστος.

Наконецъ:

τέχνον ἐμὸν, ποῖόν σε ἔπος φύγεν ἕρκος ὀδόντων.

По обычному толкованію эти повторенія должны быть особымъ художественнымъ приѣмомъ, представляютъ изъ себя остановочныя пункты разсказа и придаютъ эпосу спокойный неторопящійся тонъ, отличающій его отъ лирики и драмы. Для современнаго читателя — пусть такъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ свидѣтельствуютъ о скудости народнаго творчества. Приведенный родъ повтореній не имѣетъ ничего общаго ни съ геминаціей, ни съ параллелизмомъ. Это общія мѣста, которыми щедро орудуетъ сказитель, — описанія снаряженія, поѣздки богатыря и боя; это—рѣчи, привѣтствія, ругательства, приказанія и порученія.

Переходъ отъ общихъ мѣстъ къ параллелизму выраженія почти-что незамѣтенъ: первыя примѣняются всегда и вездѣ, когда къ тому представляется случай, вторыя повторяются въ одной и той-же былинѣ. Въ былинѣ о Хотенѣ Блудовичѣ (Рыбн. I, стр. 44) въ 28 стихахъ описывается споръ двухъ вдовъ; Блудова жена возвращается домой и рассказываетъ сыну о случившемся, слово въ слово повторяя вышесказанныхъ 28 стиховъ. Равно въ былинѣ о князѣ Романѣ Дмитріевичѣ (Рыбн. I, № 74) сперва рассказывается о нападеніи двухъ ратниковъ на Москву; этотъ-же рассказъ передается вонюномъ Роману, а имъ уже всему войску. Еще болѣе пространныя повторенія содержитъ сказочная былина о Ванькѣ Удовкинѣ сынѣ и царѣ Волшанѣ

Волшанскомъ (Рыбн. I, стр. 443).—Эти повторяющіяся описанія не суть общія мѣста, потому что онѣ свойственны только одной какой-нибудь былинѣ; но и по отношенію къ этой одной былинѣ онѣ не служатъ заповѣями. Это—параллельные рассказы одного и того-же событія, которые сказитель то передаетъ отъ себя, то влагааетъ въ уста дѣйствующаго лица былины, то употребляетъ въ видѣ вѣщаго прорицанія. Въ этомъ разнообразіи ситуація и заключался весь смыслъ этихъ повтореній.

Повтореніе одного стиха по нѣскольку разъ можетъ быть очень кстати. Такъ у Рыбн. I, стр. 241:

Още есть у Ставра чимъ похвастати:
Мои добрые молодцы не старятся,
Мои добрые конюшны не держатся,
Моя золота казна не тощится;
Да още есть у Ставра чѣмъ похвастати:
Есть у Ставра молода жена... ¹⁾

Какое глубокое впечатлѣніе и какая наглядность можетъ быть достигнута посредствомъ повторенія одного и того-же стиха, видно изъ слѣдующаго примѣра:

Разсердился Оника воинъ,	И принимался всею силой богатырскою:
Задѣлъ онъ за сумоцьку ножкой лѣвою,	И по поясъ ушелъ во матушку во сыру землю,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть;	И не могъ онъ сумоцькѣ повыздынуть.
Задѣлъ Оника ноженькой правою,	И принимался Оника не на шутоцьку,
И не могъ онъ сумоцьки повыздынуть.	И по грудей ушелъ онъ во матушку во сыру землю,
Соскочилъ Оника со добра коня	И не могъ онъ сумоцькѣ повыздынуть,
И принимался во всю силу богатырскую,	И надорвалъ онъ свое ретливое сердецюшко.
И по колѣнъ ушелъ во матушку сыру землю,	
И не могъ онъ сумоцькѣ повыздынуть.	
Разсердился Оника по сержинуму,	(Рыбн. II, стр. 256).
И разозлился Оника по звѣриному	

Единымъ въ своемъ родѣ является отрывокъ былины у Кирѣевского (II, стр. 66), гдѣ каждая половина стиха повторяется два раза.

¹⁾ Пространіе это мѣсто Рыбн. II, стр. 115

У попа была бесѣдушка, у дьякова другая,
У дьякова другая: хвалились два брата,
Хвалились два брата, што есть у насъ сестрица,
Што есть у насъ сестрица, изъ терема не ходить,
Изъ терема не ходить, бѣлилъ съ лица не ронить,
Бѣлилъ съ лица не ронить, бѣла лица не кажетъ.

Если эти повторенія не слѣдуетъ поставить на счетъ записателя, увлекшагося тѣмъ, что при пѣніи каждый стихъ дѣйствительно повторялся, то мы въ этомъ небольшомъ отрывкѣ должны видѣть попытку послѣдовательнаго проведенія повторенія. Если-же эти повторенія возникли только благодаря мелодіи, отнюдь не входили въ словесный составъ былинны, то тутъ намъ сохранилось свидѣтельство о той причинѣ, на счетъ которой должно быть поставлено введеніе многихъ повтореній въ эпосъ, напр., той особенности, что послѣднія слова одного стиха начинаютъ слѣдующій. Эта особенность, встрѣчающаяся правда на каждомъ шагу, но всетаки не проходящая черезъ всю былинну, теперь уже принадлежитъ къ составу самаго стиха. Если мы теперь находимъ подобнаго рода повтореніе:

Гой еси ты старой казакъ,
Ты старой казакъ Илья Муромецъ!

то оно обуславливается не растягиваніемъ мотива, подобно секвенціи, но требованіемъ эпического приема, возникшаго благодаря музыкальнымъ соображеніямъ. Уже въ Словѣ о полку Игоревѣ находится отраженіе этого приема въ описаніи битвы при Немигѣ:

Кровави брезѣ
Не бологомъ бахуть посѣяни,
Посѣяни востьми Русскихъ сыновъ.

Иногда такимъ образомъ связано нѣсколько стиховъ:

А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою.

Въ разсмотрѣнныхъ только-что параллелизмахъ дословно повторяется часть стиха, или одинъ какой-нибудь стихъ или цѣлыя повѣствованія; они

но прибавляютъ ничего новаго къ уже сказанному, ни въ чемъ не дополняютъ картины новыми подробностями, развѣ, что иногда не лишены художественнаго значенія. Такъ какъ они касаются только формы, то мы условимся называть ихъ формальнымъ параллелизмомъ въ отличіе отъ внутренняго, — метафорическаго. Но между тѣмъ и другимъ существуютъ переходныя стѣпени: здѣсь послѣдній глаголь повторяется, но уже не въ личной формѣ, а какъ причастіе.

Разставляя шатеръ помы бѣлыя,	Сваря кашу, расхлебывать,
Разстави шатеръ, сталъ огонь сѣчи,	Расхлебавъ кашу, сталъ почивъ держать,
Высѣча огонь, сталъ раскладывать,	Богатырскій сонъ на 12 дѣнь,
Разложи огонь, сталъ кашу варить,	На 12 дѣнь, на двое сутоки.

(Кирѣевск. I, стр. 3).

Тамъ повтореніе предлагается въ видѣ вопроса:

Собирались три русскихъ
Три могучихъ богатыря
Ко кресту ко Леванидову;
Тутъ они крестами побратались.
Кто-же изъ нихъ былъ большой братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ средній братъ?
Кто-же изъ нихъ былъ меньшій братъ?
Старой казакъ Илья Муромецъ былъ большой братъ,
Михаилъ Потыкъ сынъ Ивановичъ былъ средній братъ,
А молодой Добрыня сынъ Никитичъ былъ меньшой братъ.
(Рыбн. I, стр. 229).

Но все труднѣе становится различать формальный параллелизмъ, все неудобнѣе указывать на повтореніе одной и той-же мысли. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ со каливою» калики «захотали» Еленинскій стихъ:

Не можетъ Владиміръ стоючи стоять,
Не можетъ Владиміръ сидючи сидѣть,
Не можетъ Владиміръ лежучи лежать;

Это однообразное выраженіе, означающее, что Владиміръ не зналъ куда дѣваться.

Добрыня бьетъ челомъ передъ матерью:

Я поѣду, Добрыня, во чисто поле,
Во чисто поле разгуляюся
Съ казаками мнѣ, Добрынѣ, показывать,
Съ молодцами мнѣ, Добрынѣ, повидатися,
Съ богатырями мнѣ, Добрынѣ, поборотися,
Богатырскую силу испробовати.

Подъ казаками, молодцами и богатырями разумѣется все одна и та-же богатырская сила. Изъ четырехъ послѣднихъ стиховъ каждый въ отдѣльности *de facto* выражаетъ ровно то-же, что всѣ вмѣстѣ; но по отношенію къ художественности между ними разница. Съ одной стороны: казакъ, молодець, богатырь—понятія, идущія *crescendo*, составляющія *κλίμαξ*; съ другой казаковать, видатися, боротися все опредѣленнѣе выражаетъ цѣль поѣздки. Послѣдній стихъ подводитъ итогъ, резюмируетъ сказанное.

До сихъ поръ попадались все формальные параллелизмы, формальные правда, не въ первоначальномъ смыслѣ слова, во всетаки выросшіе на почвѣ дословныхъ повтореній, однако приближающіеся къ метафорическимъ, которые, впрочемъ, и другаго происхожденія и другаго развитія.

IV. Параллелизмъ въ былинномъ эпосѣ.

Проф. Веселовскій въ разборѣ «Матеріаловъ и изслѣдованій» Чубинскаго указываетъ на малорусскіе запѣвы, выражающіе обыкновенно параллелизмъ природы съ настроеніемъ человѣка, изъ которыхъ зародилась народная лирическая пѣсня. «Разработка шла путемъ анализа,—какъ и наше обособленное до эгоизма личное чувство растетъ и изощряется и никнетъ анализомъ, углубленіемъ въ такія стороны чувства, которыя не даны его первымъ моментомъ, его внезапнымъ разцвѣтомъ, непосредственнымъ увлеченіемъ» ¹⁾. Но такіе символическіе запѣвы не чужды и народному эпосу. Въ былинѣ о Вольгѣ, напр.:

Говорятъ царь со царицею:
«Ай же ты царица Паяталовна!
Я знаю про то, вѣдаю:

На Руси-то трава растетъ не по старому,
Цвѣты цвѣтутъ не по прежнему,

¹⁾ Стр. 37.—См. также въ статьѣ: Новыя книги по народной словесности (Журн. Мин. Нар. Просв., т. ССXLIV).

А видно Вольга-то живаго нѣтъ». На Руси все трава растетъ по старому,
Говорить царяца Панталовна: Цвѣты то цвѣтутъ все по прежнему».
«Ай же ты царь Турецъ Санталъ! (Рыбн. I стр. 186).

Илью Муромца часто привѣтствуютъ:

Одно солнышко на семь свѣти,
Одинъ богатырь на святой Руси!

Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится: Солнце свѣтится на небесѣ,
Игорь князь въ Русской земли. Чудный параллелизмъ представляетъ слѣду-
ющее мѣсто:

Отломилась вѣточка На чужу дальну сторону,
Отъ садовой отъ яблонки, На чужу дальну сторону
Откатилось яблочко: За рѣку за Смородину.
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери (Кирѣевск. II, стр. 61).

Собственно странное и совсѣмъ непонятное опредѣленіе времени:

Когда возсіяло солнце красное
На нашу на землю Святорусскую,
Тогда родился младый богатырь
Младый богатырь Вольга Всеславьевичъ.

По толкованію Рыбникова (I, стр. XVШ) Вольга родился «современно
появленію болѣе ясныхъ, первоначальныхъ формъ новаго быта». Но очевидно,
мы тутъ имѣемъ извращенный параллелизмъ. Вначалѣ было вѣроятно:

Возсіяло солнце красное...
Народился младый богатырь...

Но такое простое сопоставленіе, должно быть, оскорбляло синтаксическое
чувство сказителя, и онъ некстати прибавилъ союзы.

Древнѣйшій видъ параллелизма—безыскусственное сопоставленіе:

На небѣ солнце—въ теремѣ солнце,
На небѣ мѣсяцъ—въ теремѣ мѣсяцъ,
На небѣ звѣзды—въ теремѣ звѣзды,
На небѣ заря—въ теремѣ заря
И вся красота поднебесная.

Допустимъ, что воображеніе остановится на картинѣ летающаго сокола; но рядомъ выступаетъ и строго обрисованный, яркопластичный образъ мчащагося на конѣ Добрыни; сказатель сначала недоумѣваетъ, какъ могли два такихъ разныхъ предмета появиться рядомъ, но вскорѣ соображаетъ, что

Не ясенъ соколъ въ перелетъ деталь,
припомнить еще, что

Не бѣлый врететь перепархиваль,
Выѣзжалъ Добрыня Никитичъ младъ.

Но не всегда, а въ народной эпикѣ другихъ народовъ почти никогда, не требовалось подобнаго отверженія и враждебнаго отстраненія напрашивающагося символа: воображеніе заключало съ символомъ извѣстный *modus vivendi*. Оно понимало, что символъ не тождественъ съ изображаемымъ предметомъ, но признавая нѣкоторое сходство между ними, допускало ихъ сопоставленіе, формально однако различая ихъ союзомъ «какъ» или «что». Такъ возникло положительное сравненіе, которое одно только обычно у другихъ народовъ, но въ русскихъ былинахъ занимаетъ лишь второстепенное мѣсто. Разъ символъ формально обособился отъ предмета, то сравненіе могло принимать какіе угодно широкіе размѣры и составить особую картину, разрушающую связь рассказа. Въ гомеровскихъ сравненіяхъ мы за подробностями символа обыкновенно забываемъ сравниваемый предметъ. Или кто напр., читая о конѣ, который *ἀχοστήσας ἐπὶ φάτῃν*

*δεσμὸν ἀπορρήξας θεῖν πεδίοιο χρσαίνων,
εἰσὼς λούεσθαι εὐρείοιο ποταμοῖο
κοδιῶν ὕψου δὲ κάρη ἔχει, ἀμφὶ δὲ χαιται
ῶμοις ἀΐσσονται ὁ δ' ἀγλαΐῃφι πεποιθὼς
ῥόμφα ἐ γούνα φέρει μετὰ τ' ἦθεα καὶ νομὸν ἱππῶν*

(Hom., Z 506—511).

еще удерживаетъ въ умѣ, что это Парисъ спѣшитъ на поле битвы, а не видитъ передъ глазами своей души бодрого коня, мчащагося къ табу, съ развѣвающейся гривой.

Но порой мы замѣтимъ и болѣе тѣсное соединеніе символа съ предметомъ, доходящее даже до полнаго сліянія. Если припомнимъ примѣръ изъ причитаній, гдѣ смерть мужа уподобляется закатившемуся солнцу, то понятны будутъ и слѣдующіе обороты:

Укатился великое желаньице,
Оно въ водушки, желанье, во глубокіи,

Въ дѣви темныя лѣса да во дремучіи
За горы оно, желанье, за толкучіи. (Барсовъ I, стр. 1).

Или жена тоскуеть:

Ужь какъ я бѣдна кручинная головушка,
Тосковать да подъ востѣвчатымъ окошечкомъ,
Кововать буду горюша подъ околеникой
Какъ несчастная ковоша на сыромъ бору.

Горемычица отождествляетъ себя съ птицей кукушкой и продолжаетъ поэтому:

На подушной сажу на деревиночкѣ,
Я на горькой сажу да на осиночкѣ. (Барсовъ I, стр. 102) ¹⁾.

Но и въ былинѣ я нашелъ удивительный примѣръ подобнаго слиянія символа съ предметомъ, такъ что качества перваго переносятся на послѣдній и наоборотъ,—въ былинѣ о царѣ Соломанѣ и Василии Окульевичѣ (Рыби. II, стр. 300). На вопросъ Окульевича, отчего дрожить мать сыра земля, Соломанъ отвѣчаетъ, что звукъ его рожка услышали лебеди на синемъ морѣ, что онѣ вылетѣли и бьютъ крыльями объ воду, что не стало у нихъ стараго царя Соломана. Во второй наконъ онъ уже выражается яснѣе, приписывая гуль земной скоку добрыхъ коней «кормленыхъ-ученыхъ».—Когда Соломанъ заигралъ въ третій разъ, то рать-сила наѣхала. И вотъ Соломанъ обращается къ Окульевичу со словами:

Гляди-ка ты на всѣ четыре стороны, Налетѣли мои гуси-лебеди
Почто ты посѣялъ пшеницу бѣлояровую, Гуси-лебеди да черныя вороны,
вую, Блюютъ твою пшеницу бѣлоярову.—
Посѣялъ по чисту полю?

Однако такіе примѣры чуть-ли не единичны въ народномъ эпосѣ, они болѣе свойственны личному творчеству, и то только наиболѣе индивидуальнымъ поэтамъ — Шекспиру, Шелли, Гейне, Ленау ²⁾, и получили высшее развитіе въ образномъ языкѣ символистовъ. Недаромъ такой стиль называется индивидуализирующимъ. Но способъ характеризованія народнаго воображенія всегда былъ типичнымъ, и поэтому сравненіе является его отличительнымъ украшеніемъ.

¹⁾ Проф. Веселовскій. Die russischen Tottenklagen (Russische Revue, III т.) стр. 520 и др.

²⁾ Boyle. Das Typische und das Individualisierende in der Dichtkunst.

У. Геминація дѣйствія въ русскихъ былинахъ.

Укажемъ теперь на нѣкоторые любопытные примѣры геминаціи въ русскихъ былинахъ.

Всѣмъ извѣстно, что Вольга при встрѣчѣ съ Микулой сперва посылаетъ пять молодцовъ, «чтобы сошку съ земельки повидернули», затѣмъ десять, наконецъ, всю дружину. Но вначалѣ это происходило куда проще. Сразу:

Пришла та силушка великая,
Начали сошку за обжи подергивать,
Вкругъ-то сошку повертывать,
А не могутъ сошку повидернуть;
Тутъ то Микула Селяниновичъ ¹⁾
Подъѣзжалъ ко сошкѣ кленовыя...
Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ.
(Рыбн. I, стр. 23).

Разсказъ Дюка Степановича (Рыбн. II стр. 154) о сказочныхъ удобствахъ и чудесахъ въ своей «Индіи богатой, да въ Галичѣ проклятой», такъ какъ онъ былъ похвалбой *κατ'ἑξοχήν*, получилъ драматическую жизнь и разложился на пѣлый рядъ эпизодовъ о томъ, какъ Дюкъ мараетъ свои сапоги, о томъ какъ онъ выливаетъ зелено вино, какъ онъ не можетъ съѣсть калача, какъ ему жаль своей бурушки-каурушки, что нѣтъ въ Кіевѣ пшеницы бѣлояровой и пр.

Раньше чѣмъ Илья встрѣчается съ паленицей удалой, къ ней высылаютъ Алешу и затѣмъ Добрыню; но оба не смѣли «у ней силушки отвѣдати». Тогда только выѣзжаетъ Илья. Когда онъ «спустилъ ее на матушку сыру землю» и «ступилъ на бѣлы груди», то трижды обращается къ ней съ вопросомъ о происхожденіи и имени, но только на третій разъ получаетъ надлежащій отвѣтъ. Въ другой былинѣ Добрыня наѣзжаетъ на паленицу и ударяетъ ее, но видя, что она и не оглядывается, для испытанія своихъ силъ распибаетъ «сырой дубъ по ластиньямъ». Это повторяется еще разъ, тогда только паленица приоглянулась.

Костя Новоторжанинъ, Потанюшка Хроменькій и Хомушка Горбатенькій ничто иное какъ тригеминація, которая своимъ возникновеніемъ обязана тому

---

¹⁾ По ошибкѣ пѣвецъ поставилъ: Вольга Святославовичъ.

обстоятельству, что, дескать, продѣлка Василя Буслаева, этотъ новый способъ набора дружины — очень понравилась. — И Садко не однимъ разомъ закупаетъ товаръ въ Новгородѣ, а трижды. И Никита Романовичъ, несмотря на всѣ угрозы царя Ивана Васильевича трижды повторяетъ свое привѣтствіе и тогда только отерывааетъ ему, что сынъ его спасенъ. Въ былинѣ «Сорокъ каликъ съ каликою» сперва за каликами посылаютъ Алешу, но они поболачиваютъ его за невѣжливость, затѣмъ Добрыню, который съ ними обращается какъ слѣдуетъ. Уже въ болѣе позднемъ вариантѣ послѣ Алени высылается напрасно еще Чурило (Кирѣвск. III, стр. 88).

Интересный примѣръ послѣдующей геминаціи представляетъ изъ себя Соловей съ его семействомъ. Въ Соловьѣ, который вначалѣ былъ одинокомъ (Гильферд., № 171) былъ присоединенъ потомокъ, сынъ или дочь, который пыгается отомстить за отца. Изъ тригеминаціи потомка получались былины въ родѣ № 10 у Рыбн. I или №№ 5 и 7 у Тихонравова II и большей части былинъ о Соловьѣ у Гильфердинга. Я не нашелъ былины, гдѣ-бы выступили въ защиту Соловья три сына, повсюду дочери, но вѣроятно и такія пѣли въ народѣ. Изъ тригеминаціи трехъ сыновей Соловья получилось ихъ девять (Кирѣвск. I, стр. 43). Въ № 1 Тихонравова II Илья ѣдетъ съ привязаннымъ къ сѣдлу Соловьемъ:

И видитъ онъ въ полѣ девять молодцевъ,
Девять молодцевъ въ кулаки бьются.

Но Илья совѣтуетъ Соловьѣ:

Закляни ты своихъ малыхъ дѣтей,
Не закланешь — самого смерти предашь!

Соловей такъ и поступаетъ.

Ѣдетъ Илья Муромецъ чистымъ полемъ,
И видитъ опять девять сыновъ,
Соловья вора-разбойника.

Тутъ ужъ Соловей самъ отъ себя проситъ ихъ не трогать Илью. — Само собою разумѣется, что Илья встрѣчаетъ еще девять сыновей. Соловей говоритъ имъ:

Не троньте вы молодца прямоѣзжаго,
У меня силы не съ ваше, да старый въ горсти зажалъ.
И не много у него сыновъ — всего двадцать семь.

Кромѣ того въ этой былинѣ еще упоминается объ одной дочери Соловья. Такимъ образомъ Илья вмѣсто одного чудовища одолеваетъ двадцать девять ¹⁾).

Какъ собственно слѣдуетъ понимать описаніе свиста Соловья? Что Соловей издавалъ звуки, похожіе то на свистъ соловья, то на шипѣнье змѣи, то на ревъ звѣрей?—Сомнѣваюсь. Ближе всего было уподобить крикъ Соловья-разбойника соловьиному свисту, ближе всего вслѣдствіе тожества имени, но сказитель нашелъ это слишкомъ слабымъ выраженіемъ такого шума, отъ котораго

Подъ Ильєю конь палъ на-корачъ,

и вотъ онъ прибавляетъ:

Зашипѣлъ Соловей по змѣиному.

Но и этотъ стихъ недостаточно силенъ; понадобился еще третій:

Заревѣлъ Соловей по звѣриному.

Мы высказались, что соловьиный свистъ былъ приписанъ вору-разбойнику по тожеству имени; прямое указаніе, что подобнымъ образомъ возникли и другія черты, находимъ у Кирѣевск. I, стр. 45:

Посвисти, Соловей, по соловьиному,

Пошипни, змѣй, по змѣиному,

Зрявкай, звѣрь, по туриному.

И Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ допускаетъ подобное толкованіе. «Соотвѣтственно названью собака Соловей еще мызгаетъ по собачьему», говоритъ онъ ²⁾). Уже это колебаніе между мызганьемъ собаки, свистомъ соловья, звѣриннымъ ревомъ и шипѣніемъ змѣи — доказываетъ, что эти выраженія не должны быть поняты въ буквальномъ смыслѣ. Притомъ такое образное выраженіе не стоитъ особнякомъ въ русской былинѣ; оно подходитъ подъ категорію выше опредѣленнаго формальнаго параллелизма. Часто этотъ свистъ и не опредѣляется ближе:

Онъ и свищетъ своимъ громкимъ голосомъ,

Его добрый конь спотыкается.

(Кирѣевск. I, стр. 28. Гильферд., стр. 1219)

¹⁾ У Тихонравова I встрѣчаются двѣ былины гдѣ выступаетъ 12 сыновей, у Кирѣевского (стр. 77) — семь сыновей Соловья.

²⁾ Илья Муромецъ, стр. 262.

Иногда указывается на разные степени свиста, но не на разные манеры получается геминация:

Ужь какъ свиснулъ Соловей въ четверть свою голоса,
Что столѣтніе дубы зашаталися;
Какъ и свиснулъ во второй разъ онъ въ пологоса,
Что Илья съ конемъ только вздрогнулися;
Какъ хотѣлъ Соловей свиснуть во весь голосъ свой,
Натагнулъ Илья Муромецъ калену стрѣлу.
(Кирѣвск. I, стр. 31; IV, стр. 3).

Въ сказкѣ говорится, что Соловей «засвисталъ своимъ свистомъ разбойничимъ крѣпко» ¹⁾. По обычаю разбойниковъ Соловей сидитъ на дубу и караулитъ ²⁾. При послѣдовательной геминаціи выходитъ, что Соловей гнѣздится на трехъ, на девяти, на двѣнадцати, на тридевяти дубахъ.— Свистъ Соловья же сдѣлался общимъ мѣстомъ. Онъ присущъ и Скимену звѣрю (Кирѣвск. II, стр. 10); онъ-же приписывается и коню Добрыни. Встрѣча Ильи съ Соловьемъ оказала воздѣйствіе на былинну о Дунаѣ тамъ, гдѣ его догоняетъ неузнанная имъ невѣста, которую онъ принимаетъ за татарина. Дѣйствіе свиста описано весьма поэтично:

Рыгнулъ Татаринъ по звѣриному,
Свиснулъ Татаринъ по змѣиному;
Въ чистомъ полѣ камешки раскатывались,
Травяшка въ чистомъ полѣ повянула,
Цвѣточки на землю повысыпали. (Рыбн. I, № 30).

Мы ограничимся этими отрывочными замѣтками. Быть можетъ, онѣ не всегда окажутся удачными. Но мы увѣрены, что руководившая насъ мысль животворна. Несомнѣнно, историческое и сравнительное изученіе эпоса должно сопровождаться изслѣдованіемъ вопросовъ, касающихся его производительности: какъ возникаютъ варианты? что сказитель вноситъ новаго въ былинну, которую онъ поетъ? въ какомъ размѣрѣ усваиваются чужіе элементы, съ которыми народъ такъ или иначе сталкивается? какое измѣненіе претерпѣваетъ событіе въ воображеніи народа? какую роль играютъ при этомъ эпические приемы?

¹⁾ Кирѣвскій I, стр. XIX.

²⁾ Сл. П о т е б н я. Этимологическія замѣтки (Живая Старина III, стр. 125).

какъ былина стирается съ памяти народа и какіе слѣды она оставляетъ, въ видѣ-ли отраженія въ другихъ произведеніяхъ или въ видѣ поговорки или мѣстнаго названія и пр.?—словомъ, изслѣдованіемъ цѣлаго ряда вопросовъ, рѣшеніе которыхъ не только пролило-бы свѣтъ на ту или другую былинку, но и помогло-бы выработать особую методику, применимую уже ко всякому народному эпосу.

К. Тиандеръ.